

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Елены АРСЕНЬЕВОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Бабочки Креза
Камень богини любви
Коллекция китайской императрицы
Письмо французской королевы
Рецепт Екатерины Медичи
Ключ к сердцу императрицы
Магический перстень Веры Холодной
Личный оборотень королевы
Дневник ведьмы
Клад вечных странников
Компромат на Ватикан
Портрет королевского палача
Коварные алмазы Екатерины Великой
Мудрая змея Матильды Кшесинской
Код Васнецова
Проклятый подарок Авроры
Клад маньчжурской принцессы
Тайна Зинаиды Серебряковой

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Елена АРСЕНЬЕВА

**Тень черной
жемчужины**

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Оформление серии *С. Курбатова*

Оформление обложки *Н. Кудря*

Ранее роман был издан под названием
«Черная жемчужина»

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Тень черной жемчужины / Елена Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-099414-4

Писательница Алёна Дмитриева едва не становится жертвой ночного нападения. Самое пугающее, что сценарий происшествия в точности соответствует некоторым страницам ее нового, еще не написанного детектива... Разумеется, Алёна пытается понять, что происходит и насколько опасна для нее ее собственная известность. За мелочными разборками родственников, которые пытаются разделить несуществующее наследство непризнанного художника, она открывает тайный след, который ведет в 30-е годы минувшего века, когда так называемые «враги народа» во глубине северных руд добывали уникальный черный жемчуг, использовавшийся для сохранения вечной молодости руководителей страны...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е.А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099414-4

О ночь мечты волшебной,
Восторги без конца...
О где же ты, мечта,
Где ты, греза,
И счастье?..

*Ария Надира из оперы
«Искатели жемчуга»*

— Возьмите мою радужную
оболочку и дайте мне вашу лю-
бовь.

— Идите покушайте синих
груш!

Юрий Олеша

Вечер оказался холодным, и она скоро пожалела, что вышла на улицу в такую нелюдскую пору. Ну посидела бы хоть однажды перед телевизором, как все нормальные люди, посмотрела бы что-нибудь сериальное, к примеру про лубофф, — нет, потащи-лась моционничать...

Ветер выбивал слезы из глаз, и она скоро пожалела, что не смыла тушь с ресниц. Приходилось то и дело осторожно промокать уголки глаз мягким бумажным платочком, чтобы тушь не потекла, однако то ли платочек оказался не столь уж мягок, то ли ветер усиливался, то ли еще что, но глаза слезились все сильнее.

Правую ногу сзади саднило, и она пожалела, что не наклеила пластырь, а ведь знала же, что новые эти кроссовки немного трут пятки.

Ладони замерзли, она сунула их в карманы и пожалела, что забыла перчатки. А руки снова и снова приходилось вынимать из карманов, чтобы доставать платок и вытирать слезы, которые текли все сильнее, поэтому вскоре пальцы вообще заоченели... Не сразу до нее дошло, что глаза так сильно слезятся не столько от ветра, сколько от того, что этот дурацкий бумажный платочек был пропитан ментолом. Она пожалела о своем пристрастии к ароматизированным одноразовым платочкам.

Короче, странно еще, что она не пожалела, что вообще родилась на свет! Но вот как-то почему-то не пожалела... может быть, потому, что света вокруг практически не было: разве что самую малость — от уличных фонарей. Да, ветренный ноябрьский вечер — не то время, когда можно наслаждаться жизнью. То есть нет, ею можно наслаждаться, и даже очень, но не на улице, а там, где потеплей. Например, в ресторанчике, мимо которого она только что прошла. Или вон за теми бесподобными кремовыми шторами, которые она углядела в окне второго этажа в новом доме, оставшемся позади. И даже в этом «старом фонде», под натиском амбициозных новостроек доживающем свои последние развеселые, пьяно-песенные денечки.

— ...бедна сакля твоя! — долетело оттуда разухабистое, и она ужасно удивилась тому, что в наше время еще кто-то поет по Хаз-Булата удалого, а не про миллион алых роз или про это, как его... что-то не вспоминалась навскидку ни одна со-

временная песня, которую можно было бы в компаниях петь, вот разве что про день рождения, который, к сожалению, только раз в году... так что, может, и впрямь Хаз-Булат вполне актуален, поскольку удал, смел, мужественен и вообще не мог поступиться принципами, что такая редкость в наши продажные, продавленные, прогнутые времена...

Она обогнула парк Пушкина — в нем было как-то очень уж темно и мрачно, почему-то половина фонарей не горела, а летние кафешки уже закрылись, да и ресторан «Онегин» (ну да, он вот так назывался, в несоблюдение всех правил орфографии, как нынешних, так и минувших), неделю назад опечатанный за несоблюдение каких-то там норм, не то санитарных, не то эпидемиологических, не то всех, вместе взятых, погасил свою вывеску, — и выбралась на обходную дорогу. Прошла несколько шагов по унылой, неудобной обочине и подумала, что пора возвращаться. От такой прогулки никакого удовольствия, а назад идти будет тем приятней, что ветер станет дуть в спину.

Подумать-то она подумала, но повернуть еще не успела, как сзади ударил свет фар, потом приблизился рокот мотора, потом он стих, и чей-то голос окликнул:

— Девушка, что такая грустная идешь? Может, подвезти?

— Спасибо, не нужно, — ответила она, не оборачиваясь и не вдаваясь в подробности, что идет она вовсе не грустная, а замерзшая.

Черт, некстати: теперь придется топтать дальше, пока эти приставучие не проедут. Вообще закон природы, проверенный эмпирическим путем неоднократно: если женщина идет одна, то каждые пять минут около нее непременно притормаживает один-два автомобиля. Кто-то молча, искательно поглядит, опустив стекло, кто-то предложит подвезти, кто-то откровенно выскажется, что именно ему нужно от этой одинокой женщины. Самое странное, что все почему-то обращаются на «ты».

Этот человек, сидевший в автомобиле, не был исключением. Только, в отличие от других, получивших отказ, он оказался еще и неотвязным.

— Ну давай, поехали с нами, — не отставал голос, с каждым словом, с каждым мгновением казавшийся ей все более гнусавым и неприятным. — Ну чо ты, а? Не пожалеешь! Скока ты хошь? Ну, чо молчишь, слышь?

Этот провинциальный говор, этот лингвистический охлос были для нее похлеще ударов кнутом, она аж передернулась, даже не скрывая отвращения, и это, кажется, не осталось незамеченным.

— Ну чо морду воротишь, чо не нравится?

Голос раздался совсем рядом, и до нее дошло, что машина остановилась и преследователь догнал ее. Через мгновение он уже схватил ее за плечо и резко повернул к себе:

— Гюльчатай, ну открой, блин, личико!

И почему она решила, что преследователь один?..

Рядом стояли трое: бледнели пятна лиц над квадратными кожаными плечами; какой-то морально-устарелый вид забубенных качков, извергнутых из чрева (кстати, не факт, что именно из чрева — но факт, что не из головы, как Зевсова дочь Афина! — а вполне возможно, простите за невольную скатологию, из анального отверстия!) перестройкой и ныне сохранившихся, казалось, только в романах Бушкова; медлительное движение челюстей, гоняющих туда-сюда во рту жевательную резинку... цивилизованные, да, уроды?.. Скажите на милость, откуда что берется?!

Кстати, а вот о цивилизованности... ее иногда просто-таки пробивали мысли, так сказать, ниоткуда: интересно, родись эти охламоны (между прочим, очень даже не исключено, что слово сие происходит от греческого «охлос», что означает чернь — ну, короче, то же, что римское «плебс») в дореволюционную эпоху, в веке этак девятнадцатом, кем бы они были? Да небось мирно пахали бы землю и сеяли хлебушек, знать не зная, что зелень и деревянные имеют отношение не только к миру растительному... А впрочем, чужая душа — потемки, запросто могли пойти в тати ночные и разбойничать на большой дороге, как вот эти... бледнолицые, просим, конечно, прощения у Фенимора Купера и иже с ним за плагиат.

— Что вам от меня нужно? — не приветливо спросила она, мысленно обшаривая собственные карманы и прикидывая, чего есть шанс лишиться, если это и в самом деле вульгарные грабители. Мобильный забыт дома — и такое ощущение, что

очень удачно забыт, денег с собой нет вообще — чтобы уберечься от искушения прервать моцион и подсесть на какой-нито общественный транспорт, а также дабы мысли не взбрело заглянуть в магазин и купить что-нибудь на ужин. Худеть, нет, надо худеть со страшной силой! Кольца и серьги она не надевала — какой смысл, если их никто не видит в темноте? — часы самые простые, жалко, конечно, с ними будет расставаться в случае чего, но тут уж как повезет, может, и не придется...

Все-таки у нее не совсем пустые карманы. Она ведь ждала чего-то в этом роде, именно поэтому...

Неужели это именно то, чего она ждала и чего боялась? Неужели оно? Вообще-то думала, что это случится иначе, не столь тривиально и пошло.

А почему иначе? Что, она имеет дело с кем-то семи пядей во лбу? Обычный охлос, как уже было подмечено. Или... не обычный? А если все вот так примитивно обставлено именно для того, чтобы усыпить ее подозрения?

Нет уж, они бдительны, как... ну, пожалуй, как тот дяденька на ретро-переретроплакате, который призывал: «Враг не дремлет! Будьте бдительны!»

— Что вам от меня нужно?

— Да ничо, — пожал плечами гнусавый. — Ни-чо такого, ты чо? Потрахаццо маленько. Ты как? Не против?

О господи, то ли они и в самом деле такие простые, как трехрублевка советского образца, то ли решили ее разозлить, чтобы возмутилась, поте-

ряла голову, утратила над собой контроль. Тогда-то с ней сладить будет — легче легкого!

— Вообразите себе, — сказала она так высокомерно, что прямо-таки ощутила, как задирается ее нос, — я против.

— Не нравимся, да? — игриво подал голос второй носитель кожаная.

— Не нравимся?! — изумился третий — искренне так изумился, что это могло даже растрогать, кабы не крылась в самой этой искренности потаенная издевка.

И у нее даже дрожь по спине прошла, вещая дрожь: это именно то, чего она ждала, именно то, что, как робко надеялось, никогда не случится.

Но вот случилось.

И она снова пожалела, что не усидела нынче вечером дома...

Хотя, с другой стороны, дома всю жизнь не просидишь, да и, со стороны третьей, что им мешало достать ее дома каким-нибудь столь же простым, незамысловатым способом? Ну, слесарю-водопроводчику невесть какому она бы не открыла, наверное, однако какому-нибудь участковому в форме... да нет, можно было придумать массу приемчиков, чтобы к ней подобраться, не стоит себя упрекать, надо переходить в наступление, чтобы не пришлось переходить к обороне.

— Не нравитесь, — сказала она, опустила руку в карман и медленно ее вынула. — Настолько не нравитесь, что... что я вас убить готова.

И они заворуженно уставились на то, что она сжимала в руке. Даже в темноте вороненая сталь

слабо отсвечивала — слабо, тускло, но зловеще и угрожающе.

— Да ты чо? — обалдело сказал гнусавый. — Ты это...

— Ты стрелять-то умеешь? — довольно спокойно поинтересовался второй «кожан», и его рука тоже скользнула в карман.

В то же мгновение раздался глухой звук, и из-под ног второго взметнулся фонтанчик пыли.

— Как видите, умею, — кивнула она. — Руки из карманов, а то я могу взять и повыше.

Это был опасный миг. «Кожан» мог выстрелить через карман, хотя вряд ли... зачем дырявить одежду? А если бы он выхватил оружие, тут уже пошла бы неистовая пальба на поражение. А ведь можно ручаться, что убивать ее им не нужно, ну какой толк в ее смерти? Нет, им и тем, кто их послал, она нужна живая... если, конечно, она опять-таки не ошибается, если, конечно, это все же не простой и незамысловатый, развинтившийся, слетевший с катушек охлос вульгарис плембус люмпенус...

Те трое замерли в довольно нелепых позах. Принимать стойку «руки вверх!» команды не прозвучало, а самим этак-то позориться не хотелось, поэтому они замерли на полусогнутых, несколько растопырив чуть приподнятые руки, словно готовились ловить кур. Роль куры предстояло сыграть ей... однако кура оказалась довольно хищная, этого троюца не ждала и пребывала в полной растерянности. Очевидно, столь активный resistance не предусматривался теми, кто их послал, не был,

так сказать, заложен в их программу, и теперь они не знали, что делать.

Ну, значит, придется им подсказать.

— Сваливали бы вы отсюда, ребята, — сказала она почти дружелюбно. — Интим, как говорится, не предлагать: нет у меня нынче настроения к близкому, а тем паче — к тесному общению! Может, с другой барышней больше повезет, сговорчивей окажется.

Она ни за что не хотела, чтобы они догадались о ее подозрениях. Тем паче, может, и в самом деле ошибочка вышла, и это обычные искатели незамысловатого дармового трахен-бахена.

В любом случае — ее совет был принят.

— Ладно, — сказал второй «кожан», и она подумала, что именно этот тип у них, пожалуй, главный, а вовсе не болтливый гнусавый. — Гуляй пока.

Пока?.. Это могло значить очень многое, а могло быть простой обмолвкой и не значить ровно ничего.

Она стояла, держа их на прицеле, вода стволом от одного к другому, в любое мгновение готовая выстрелить, однако все происходило вполне корректно: «кожаны» сели в свой внедорожник — в марках автомобилей она не разбиралась совершенно, даже в эмблемах путалась, кроме, конечно, самых общеизвестных, однако все же могла отличить внедорожник от городской модели, — развернулись очень лихо, ну просто-таки на одном колесе (она предусмотрительно отступила за дерево, однако никакой подлянки при развороте

не последовало). И в это мгновение в свете фар проехавшего мимо автомобиля она увидела номер машины нападавших. И... и даже горло перехватило, так потрясло ее то, что она увидела...»

«Что же она там могла такое увидеть?! — озадаченно подумала Алена Дмитриева, ставя последнюю точку в многоточии. — Да ладно, какая разница, потом что-нибудь придумаю. И кто такая — эта она, и почему за ней гнались три охломана, даже охлобуя, можно сказать, и откуда у нее вообще взялось разрешение на ношение оружия... или у нее нет разрешения?.. Нет, это все потом. Сейчас главное — отправить файл. Отправить — и собираться на милонгу!»

Если кто еще не знает... а неужели кто-то, знакомый с Аленой Дмитриевой, этого еще не знает?! — ну, предположим, нашелся такой человек, и вот нарочно для него поясняем: милонга — это такая вечеринка, где танцуют только аргентинское танго. Алена была страстной поклонницей... да что там — фанаткой этого танца, занималась им истово и не пропускала ни одной милонги, и не только не пропускала, но даже никогда не опаздывала на них, а это, согласитесь, показатель особого интереса к предмету! По-хорошему Алене уже пора было бы начинать рыться в ворохе платьев, юбок с разрезами и без, блузочек с люрексом и без, черных колготок — в сеточку и просто ажурных, а также подбирать к платью серьги и туфли (танго-туфли... о, танго-туфли!!! Впрочем, это отдельный разговор!), —

так вот, ей уже следовало бы заниматься всеми этими приятностями, однако ее задерживала суровая проза жизни. Издательство «Глобус», которое печатало детективные романы Алены Дмитриевой (а она была, вообразите, писательницей, и под таким именем миллионы, не побоимся этого слова, читателей знали ее, и даже, вообразите, находились среди этих миллионов единицы, которым ее книжки очень нравились!) срочно затребовало для рекламы ее творчества главку из очередной нетленки. К сожалению, нетленка пока еще вызревала в буйном воображении нашей героини, но не вызрела настолько, чтобы облечься словами и быть превращенной в роман. Однако отказывать издательству ведь немислимо! Поэтому Алена немедленно упала за компьютер и быстренько — профессионализм ведь не пропьешь, тем паче что она вообще практически не пила, — настукала одиннадцать тысяч знаков, четверть авторского листа: как раз такой объем требовался для рекламы. Теперь осталось только переслать текст по электронной почте.

Алена открыла «Outlook express», составила сообщение своей редактрисе, загрузила файл, кликнула на «Отправить сообщение», однако система почему-то тормозила. Спустя минуту на экране появилась информация об ошибке номер какой-то.

Ну, всякое бывает, Интернет — штука настолько загадочная по сути своей, что, пожалуй, более логично удивляться, когда он вообще, в